

ЛУИЗА ДОРНЕМАН

ЖЕННИ
МАРКС

ЛУИЗА ДОРНЕМАН

ЖЕННИ
МАРКС

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1962

ЗК16
Д68

Luise Dornemann
JENNY MARX

Volksverlag Weimar
1955

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга немецкой писательницы Луизы Дорнеман «Женни Маркс» — это научно-популярная биография верной спутницы и друга Карла Маркса. Биография Женни Маркс изложена в неразрывной связи с биографией Карла Маркса и на фоне международного рабочего движения. В книге, наряду с описанием жизни и деятельности Карла Маркса и Женни Маркс, рассказывается о важнейших событиях в европейской истории и в истории рабочего движения, от французской буржуазной революции до Парижской коммуны включительно. Автор с большой любовью пишет о Женни Маркс как о человеке и преданном помощнике Карла Маркса в его революционной борьбе, одной из первых понявшей все значение его деятельности, признавшей правильность марксистского учения и отдавшей ему всю свою жизнь.

Луиза Дорнеман
ЖЕННИ МАРКС

Перевод с немецкого *Е. Виленкиной*

Редактор *Ф. Вейнберг*

Художник *Н. Пешков*
Художественный редактор *С. Сергеев*
Технический редактор *Ю. Мухин*
Ответственные корректоры
М. Важнин и Э. Пронина

Подписано в печать с матриц 7 сентября 1962 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 5¹/₄. Условн. печ. л. 8,61.
Учетно-изд. л. 8,85. Тираж 125 тыс. экз. А 01576.
Заказ № 3810. Цена 21 коп.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Мнусская пл. 7.
Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР,
Москва, Краснопролетарская. 16.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ЖЕННИ МАРКС

Речь, произнесенная на ее могиле.

«Друзья!

Женщина прекрасной души, которую мы хороним, родилась в Зальцведеде в 1814 году. Ее отец, барон фон Вестфален, переведенный вскоре после этого в Трир в качестве правительственного советника, подружился там с семьей Маркс. Дети росли вместе. Две высокоодаренные натуры сблизились. Когда Маркс поступил в университет, было уже решено, что их будущая судьба нераздельна.

В 1843 году, после запрещения первой «Rheinische Zeitung», редактором которой некоторое время был Маркс, состоялась их свадьба. С тех пор Женни Маркс не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей вдумчивостью и с пламенной страстью.

Молодая чета отправилась в Париж в добровольное изгнание, которое, однако, очень скоро превратилось в настоящее. Прусское правительство и там преследовало Маркса. Александр фон Гумбольдт унижился до того, что помог выхлопотать приказ о высылке Маркса. Семье пришлось переехать в Брюссель.

Наступила февральская революция. Во время волнений, разразившихся вслед за нею в Брюсселе, был арестован не только Маркс, бельгийская полиция не постеснялась без всякого повода бросить в тюрьму и его жену.

Революционный подъем 1848 года уже на следующий год сошел на нет. Новое изгнание, сначала в Париж, затем, вследствие вторичного вмешательства французского

правительства,— в Лондон. И на этот раз для Женни Маркс это было действительным изгнанием, со всеми его ужасами. Материальную нужду, из-за которой сошли в могилу два ее мальчика и одна девочка, она все же преодолела бы. Но когда правительства в союзе с буржуазной оппозицией, от вульгарно-либеральной до демократической, составили великий заговор против ее мужа; когда они закидали Маркса самой подлой, самой гнусной клеветой; когда вся печать оказалась для него закрытой и всякая возможность самозащиты была отрезана; когда он очутился вдруг безоружным пред лицом своих врагов, которых и он и она могли лишь презирать,— это нанесло ей глубокую рану. А это продолжалось очень долго.

Но не бесконечно. Европейский пролетариат снова добился таких условий существования, при которых он мог до известной степени самостоятельно действовать. Был основан Интернационал. Из страны в страну перебрасывалась классовая борьба пролетариата, и в передовых рядах первым боролся ее муж. Тогда наступила для нее пора, искупившая ее жестокие страдания. Она дожила до того момента, когда клевета, градом сыпавшаяся на голову Маркса, рассеялась, как пыль от дуновения ветра; когда его учение, для подавления которого все реакционные партии, как феодалы, так и демократы, приложили такие чудовищные усилия, проповедовалось теперь во всеуслышание во всех цивилизованных странах и на всех культурных языках. Она дожила до того момента, когда пролетарское движение, с которым она срослась всем своим существом, стало потрясать до основания старый мир, от России до Америки, и, сокрушая всякое сопротивление, все более и более уверенное в победе, стало пробиваться вперед. *И одною из последних ее радостей было еще то очевидное доказательство неистощимой жизненной силы, которое дали наши немецкие рабочие на последних выборах в рейхстаг.*

То, что эта женщина, со столь острым критическим умом, с таким политическим тактом, с такой энергией и страстностью характера, с такой преданностью своим товарищам по борьбе, сделала для движения в течение почти сорока лет,— это не стало достоянием общественности, об этом нет ни слова в летописях современной

печати. Это каждый должен был пережить лично. Но в одном я уверен: жены изгнанников-коммунаров часто еще будут вспоминать о ней, а наш брат часто будет чувствовать, как недостает нам ее смелого и благоразумного совета — смелого без бахвальства, благоразумного без малейших уступок в вопросах чести.

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она»¹.

КАРЛ И ЖЕННИ МАРКС

Мой милый сердцем овладел моим,
И дал свое мне, рухнув на колени;
Я им любима, мною он любим,
Я счастье обрела в таком обмене.

О, сердце друга, ты хранишь меня,
Как если бы я родилась с тобою,
Мое стучит в его груди, храня
Любимого и став его судьбою.

В моих глазах он видит скорбь и горе,
Когда я вижу, что страдает друг;
Читаю муку я в любимом взоре,
Когда в моем он видит отблеск мук.

Мы оба счастьем счастливы одним
Ведь мы сердцами обменялись с ним¹.

Едва ли можно найти двух людей, которым бы так подходили строки этого старинного лирического стихотворения, как Карлу и Женни Маркс.

Немного найдется человеческих судеб, которые бы так искренне трогали, так глубоко волновали и так увлекали, как судьба основателя научного социализма Карла Маркса и спутницы его жизни Женни Маркс, его верной помощницы на протяжении многих десятилетий их совместной жизни, непоколебимо верившей в победу рабочего класса.

Женни Маркс была одной из первых среди тех, кто понял все значение деятельности Карла Маркса и признал правильность его учения. Осуществлению этого учения она отдала всю свою жизнь. Ее богато одаренная натура, ее смелый критический ум были неоценимы для того дела, которому посвятил свою жизнь ее муж. Хотя ее деятельность и протекала в кругу семьи, она была одной из самых выдающихся женщин своего времени. Как помощница и соратница человека, указавшего людям путь к новой жизни, она никогда не будет забыта.

«Без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда бы не мог стать тем, кем он был». Так писала одна из тех, кто был к ним ближе всех и кто знал Карла и Женни лучше всех — их младшая дочь Элеонора Маркс-Эвелинг.

Никогда еще две жизни — и обе такие замечательные — не были так тесно связаны, дополняя одна другую.

Женни фон Вестфален выделялась из тысяч своей необычайной красотой — красотой, которой Маркс всегда восхищался и гордился и которая приводила в восторг таких людей, как Гейне, Гервег и Лассаль, — своим умом и остроумием, столь же блестящими, как и красота ее.

Маленькими детьми Карл и Женни играли вместе; юношей и девушкой — он 17, она 21 года — они были помолвлены, и как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет, прежде чем женился на Женни. Затем во все последующие годы, полные бури и натиска, изгнания, крайней бедности, клеветы врагов, суровой и отважной борьбы, эти два человека вместе с их верным и надежным другом Ленхен Демут бодро и бесстрашно боролись с целым миром, всегда на опасном посту, куда призывал их долг. Поистине Маркс мог бы сказать словами английского поэта Броунинга:

Ни случай не может любовь изменить,
Ни время — ослабить ее².

Женни Маркс вышла из тех кругов общества, в которых считалось преступлением выступать в защиту рабочих, поэтому путь к рабочему классу стоил ей больших внутренних усилий и тяжелой борьбы с окружающей средой.

Будучи урожденной баронессой фон Вестфален, она принадлежала к высшей прусской аристократии. Ее дед с отцовской стороны был советником и тайным секретарем герцога Фердинанда Брауншвейгского, а затем, когда последний во время Семилетней войны командовал армией, нанятой на английские деньги, он стал его фельдмаршалом. Ее бабушка принадлежала к высшему дворянству Шотландии.

Старший сводный брат Женни, взбалмошный и надменный юнкер, совершенно заслуженно пользовался репутацией типичного представителя прусской реакции.

В мрачные годы, наступившие после революции 1848—1849 годов, он дослужился до поста министра внутренних дел Пруссии и был одним из главных инициаторов тех возмутительных мероприятий, которые были приняты правительством против демократических сил и от которых, в числе многих других, так тяжело пострадала и его сестра.

В то же время Людвиг фон Вестфален, отец Женни, будучи аристократом по происхождению, отличался от большинства представителей своего класса широтой мысли и глубокой образованностью. Он говорил на греческом, латинском, французском, английском и испанском языках, знал и любил художественную литературу. Карл Маркс посвятил тестю свою докторскую диссертацию и много позже, уже в преклонном возрасте, рассказывал дочерям, как высоко он его ценил.

Мать Женни, урожденная Каролина Гейбель, вторая жена Людвига фон Вестфален, была скромной, сердечной женщиной, полностью посвятившей себя заботам о муже и детях.

Когда незадолго до окончания великой освободительной войны, 12 февраля 1814 года, родилась Женни, ее отец занимал должность государственного советника в Зальцведеле (Альтмарк). Скромный дом недалеко от церкви св. Марии, в котором жила семья Вестфален, сохранился и поныне и является для нас местом дорогих воспоминаний. К тому времени, когда маленькая Женни появилась на свет, в жизни ее родителей миновала тяжелая пора. Правда, военные действия коснулись района Зальцведеля меньше, чем других мест Германии. Однако Людвиг фон Вестфален навлек на себя гнев французов тем, что демонстративно приветствовал вступивших в город русских освободителей. Когда вслед за этим Зальцведель снова оказался в руках французов, части маршала Даву захватили его в плен и обращались с ним очень жестоко.

В 1816 году, когда Женни было два года, семья переехала в Трир. Таким образом, Женни, подобно своему мужу, выросла как дитя Рейнской провинции, и эту местность она всегда считала своей настоящей родиной. Трир, город ее детства и юности, Бад-Крейцнах, где она вышла замуж, Кёльн, Франкфурт-на-Майне — это те го-

рода, в которых проходила ее жизнь в течение тех лет, которые ей довелось провести в Германии. Ей не суждено было лучше узнать свою родину, потому что эта благородная, наделенная возвышенными мыслями, отважная женщина, так горячо любившая Германию, вынуждена была почти половину своей жизни провести в изгнании. Трир, расположенный недалеко от французской границы, в живописной и плодородной долине Мозеля, среди садов и виноградников, является старинным городом с большим прошлым, традиции которого восходят к эпохе римлян.

Посреди города еще сегодня стоят мощные, мрачные, существующие почти два тысячелетия Римские ворота — Порта Нигра. Построенные руками рабов, эти ворота, подобно старому мосту через Мозель, развалинам римского дворца, баням и большому амфитеатру, являются свидетельством культуры давно минувших лет.

Позднее, в средние века, город, прозванный благодаря своим многочисленным церквям, часовням, монастырям, коллегиям и общинам немецким Римом, был резиденцией могущественного архиепископства, сфера влияния которого распространялась на Мец, Туль и Верден.

Трир 1816 года, куда переехала семья Вестфален, был центром мозельского виноделия и со своими 12 000 жителей представлял собой довольно зажиточный, но сравнительно прогрессивный немецкий провинциальный городок. В 1794 году, когда французская революционная армия вторглась в Рейнскую область, город был оккупирован и двадцать лет оставался французским, как и весь левый берег Рейна. Поэтому он был освобожден от оков феодализма и, по сравнению с остальной Германией, имел передовое буржуазное законодательство.

Красивый дом, в котором жили родители Женни, где в большом саду резвая маленькая белокурая девочка с лучистыми темными глазами играла в свои первые детские игры, был расположен в части города, заселенной состоятельными людьми. Советник прусского королевского правительства Людвиг фон Вестфален был уважаемым человеком среди знати Трира — богатых владельцев виноградников, чиновников и офицеров. Он получал значительный для того времени оклад в 1600 талеров в год, и семья была хорошо обеспечена. Женни в

детстве не знала никаких лишений, подобно всем детям имущих слоев в классовом обществе.

Позднее Женни объявила решительную войну тому классу, из которого она вышла, и тем принципам, в духе которых была воспитана, но она не забыла прекрасные детские годы и любовь, окружавшую ее в доме родителей. О своих родителях она всегда говорила с уважением. Отец ее умер еще до ее замужества. К своей матери, на много лет пережившей отца, «самой преданной из всех матерей», Женни до конца была привязана всей душой. Она еще больше привязалась к ней, когда после смерти отца чванливые высокопоставленные родственники с пренебрежением отвернулись от скромной, простой женщины. Позже, даже в самые тяжелые и напряженные дни своей жизни, Женни находила время для того, чтобы поддержать и порадовать свою «дорогую мамочку» письмами и маленькими подарками.

«Мое время всегда расчетливо поделено между большими и малыми заботами и хлопотами повседневной жизни, участием в делах моего любимого мужа и перепиской с моей дорогой мамочкой».

Так писала она однажды в Германию своей подруге, когда сама была уже матерью троих детей и вместе с мужем участвовала в Брюсселе в политической борьбе, которую вели деятели коммунистического движения. Она вложила в это письмо, написанное перед рождением 1847 года, небольшую сумму денег, которую с трудом скопила.

«Это маленькое денежное вложение,— писала она,— тебя удивит. Поэтому я должна тебе кое-что объяснить. Как раз теперь, в период рождественских праздников, я всегда с величайшей грустью думаю о моей мамочке, об ее одиночестве, об ее уходящей жизни. Никогда ее образ не встает передо мной с такой ясностью и любовью, как именно в эти дни, когда она с несравненной материнской нежностью доставляла нам, детям, так много радости и наши маленькие сердца и глаза наслаждались блеском сверкающей елки. Позднее, когда мы лелеяли в своем сердце уже более глубокие и серьезные желания и надежды, она всегда с одинаковой преданностью заботилась о нас, радовала и ободряла нас... Мне бы хотелось, чтобы ты купила мамочке совсем дешевое темное ситцевое домашнее платье... Сделай, как

тебе будет удобнее, но только так, чтобы пакет был вручен нашей мамочке в сочельник или утром на рождество»³.

Едва ли можно предположить, что госпоже фон Вестфален были понятны великие идеи и цели ее зятя и вряд ли она одобряла борьбу, которую вела ее дочь. Но она всегда относилась с искренней преданностью к дочери и зятю и многим пожертвовала ради них. Отцы Женни и Карла Маркса, правительственный советник фон Вестфален и советник юстиции Генрих Маркс, были очень дружны. Дети росли вместе, играли в саду дома семьи Вестфален, а когда они стали больше, то ходили играть на близлежащую гору Маркусберг. Маленькая детская компания состояла из Женни и Эдгара фон Вестфален⁴, Карла Маркса (который был на четыре года моложе Женни) и его сестер, из которых старшая, Софи, была подругой Женни.

Карл Маркс еще мальчиком обладал большой энергией и живым умом.

«Я часто слышала от своих теток,— пишет Элеонора Маркс-Эвелинг,— что в детстве Мавр* был страшным тираном своих сестер; он гонял их в качестве лошадок галопом с Маркусберга в Трире, и, что было еще хуже, он настаивал на том, чтобы они ели «пирожки», которые он сам изготовлял из грязного теста грязнейшими руками. Но они безропотно позволяли погонять себя и съедали «пирожки» за те сказки, которые рассказывал им в награду за их хорошее поведение Карл»⁵.

Когда прошло время детских игр, Карл Маркс продолжал оставаться частым гостем в доме фон Вестфаленов, воспоминания о котором он сохранил надолго.

Отец Женни знал наизусть песни Гомера и много сцен из драм Шекспира. Он часто и охотно читал их Женни, ее брату Эдгару и Карлу Марксу во время длительных прогулок, которые он совершал с детьми, или в зимние вечера, когда они вместе сидели при свечах в уютных комнатах вестфаленского дома. От него молодежь узнала о простых и жизнерадостных героях греческих мифов с их красочным миром богов, гигантов, волшебниц и необычайных сказочных чудовищ. Внимательно слушая его, они следили за приключениями

* Так Маркса называли из-за его черных волос родные и знакомые.

«хитроумного, многоопытного» Одиссея, вернувшегося после долгих скитаний и сражений домой к своей верной и мудрой супруге Пенелопе и к сыну Телемаку.

Драмы Шекспира знакомили их с мужественными, благородными и величественными образами эпохи Возрождения — с Гамлетом, Лиром, Брутом, Ромео и Джульеттой, Отелло и Дездемоной, с жестокими тиранами Макбетом и Ричардом III. Порой они развлекались остроумными шутками и непринужденным весельем комедий Шекспира, которые, однако, отражают столь глубокие гуманистические проблемы, и от всего сердца смеялись над зачастую грубыми, сочными шутками шекспировских персонажей.

Благодаря этому они рано познакомились с богатством и красотой подлинной поэзии и поняли, какую силу и радость можно черпать из нее.

Любовь к искусству, которая пробудилась у Женни в эти прекрасные часы, проведенные ею с отцом и другом юности, она сохранила на всю жизнь. Карл Маркс также не забыл этих впечатлений юных лет. В более поздние годы он и его жена, подобно их бывшему учителю, читали наизусть Шекспира, Гомера и многих других великих поэтов разных народов. Они не только учили своих детей наслаждаться благородными произведениями поэтического искусства, но, насколько было возможно, старались знакомить с этим искусством рабочих. Особенно много времени и сил посвятила этому делу Женни.

С двенадцатилетнего возраста Карл вместе с братом Женни Эдгаром начал посещать гимназию в Трире; Женни было шестнадцать лет, и ее стали вывозить в так называемый свет. В то время в зажиточных семьях девушек такого возраста уже выдавали замуж; родители Женни тоже стремились так воспитать ее, чтобы она, сделав «хорошую партию», могла занять высокое положение в обществе.

С беззаботностью цветущей юности она предавалась этой новой жизни, полной беспечных удовольствий, с ее балами, маскарадами, концертами и спектаклями в «Литературном казино», вечеринками и пикниками. Сияя очарованием и прелестью молодости, всегда веселая, остроумная и полная жизни, она радовалась своей красоте и с удовольствием наряжалась, как она сама

однажды в этом призналась. Даже в боле она способна была приходить в трогатшла замуж за по поводу нового платья, а ведь на ее долю выпало так мало обычных женских радостей!

Родители Женни хотели, чтобы она вышла замуж за богатого человека. Будучи девушкой из зажиточной и знатной семьи, принадлежащей к тому же к прусской аристократии, она скоро оказалась окруженной многочисленными молодыми людьми. В Трире она слыла «царицей балов». Об этом известно от самого Маркса, который гордился красотой своей жены. Прожив с нею почти целую жизнь, находясь в 1863 году в Трире на похоронах своей матери, он с нежной грустью стоял перед домом Вестфаленов и отсюда, со своей родины, написал письмо жене:

«Каждый день хожу на поклонение святым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик влечет меня больше, чем все римские древности, потому что он напоминает мне счастливое время юности, он таил когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон, изо дня в день меня спрашивают, куда девалась первая красавица Трира и царица балов. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как зачарованная принцесса»⁶.

Но блестящая жизнь так называемого большого света, окружавшая Женни, не могла ее надолго увлечь.

Для девушки того времени она получила хорошее воспитание и обладала не только большими способностями и чрезвычайно критическим умом, но и прямым характером. За вылощенной вежливостью светских манер, за щебетом любезных салонных разговоров, за преклонением, окружавшим ее, она скоро увидела едва прикрытую алчность и жажду власти, лживость и тщеславие, пошлую пустоту и тупую чванливость людей своего круга.

Она втайне смеялась над напыщенностью высокопоставленных чиновников, над самомнением офицеров и богатых помещиков, ухаживавших за ней. Она искала более высоких идеалов и более содержательной жизни, чем та, которую они могли ей предложить. Поэтому друг ее юности, по-прежнему бывавший у них в доме, был ей намного ближе. Занимаясь вместе поэзией, они стали

вести между собой и серьезные беседы по важным жизненным вопросам.

Отец Карла Маркса был сторонником французских просветителей. Он преклонялся перед Монтенем, Дидро, Вольтером, Руссо, этими великими духовными предшественниками французской революции, которые подвергли уничтожающей критике все устаревшие понятия о государственном и общественном строе, о естествознании, морали и религии и провозгласили права человека, которые буржуазное общество, однако, никогда не могло осуществить.

Идеи этих великих вольнодумцев, с которыми отец Женни также был знаком, волновали Карла Маркса, когда он был еще мальчиком, и, как можно судить по дальнейшему развитию мышления Женни, они оказали и на нее глубокое влияние. Молодые люди увлеклись этими идеями, тем более что в том самом году, когда Карл Маркс поступил в гимназию, т. е. в 1830 году, в Париже вспыхнула Июльская революция.

Это первое большое восстание против усилившейся европейской реакции, в результате которого французский народ изгнал навязанную ему после освободительных войн ненавистную династию Бурбонов, оказало огромное влияние на всю Европу. Повсюду борцы за свободу начали вновь спланировать свои ряды, везде усилилось освободительное движение. В 1831 году Польша восстала против царской России. Лучшие представители немецкого народа с воодушевлением приветствовали и поддерживали поляков. В различных частях Германии состоялись революционные манифестации, а летом 1832 года 20 тысяч патриотов из всех районов страны устремились к Гамбахскому замку в Пфальце на знаменитый слет, вошедший в историю под названием Гамбахского праздника. Это была мощная демонстрация за свободу и демократию, и рядом с черно-красно-золотыми флагами Германской республики демонстранты несли красно-белый флаг Польши.

Либералы и радикалы произносили речи о свободе и требовали единой германской республики. Массы ответили призывом: «К оружию!». Вслед за Гамбахским праздником начался ужасающий разгул реакции. Тысячи борцов за свободу были арестованы, многих заставили покинуть Германию, другие ушли в изгнание добро-

волью. Среди приговоренных к смертной казни был поэт Фриц Рейтер. Он провел восемь страшных лет в заключении в крепости и описал эти годы в своем произведении «*Ut mine Festungstid*» («Мое заключение в крепости»). Несмотря на разгул террора, германская молодежь, полная ненависти к тирании, со страстным увлечением читала речи, произнесенные на Гамбахском празднике, которые тайно распространялись также и в Трирской гимназии, где учились Карл Маркс и Эдгар фон Вестфален.

Не известно, читала ли Женни эти бунтарские речи; но едва ли умная девушка могла не знать о свободолюбивых идеях своего друга юности. Да Карл и не делал из этого тайны.

Окончив гимназию три года спустя после Гамбахского праздника, он смело и недвусмысленно продемонстрировал свою политическую позицию, отказавшись нанести прощальный визит одному из учителей, присланному в гимназию прусским правительством и известному своими реакционными взглядами.

Маркс проявил смелый образ мыслей в своей работе на аттестат зрелости: «Размышления юноши при выборе профессии».

«...Мы можем выбрать ту,— пишет он о принципах, которые, по его мнению, должны быть решающими при выборе профессии,— которая придает нам наибольшее достоинство, которая основана на идеях, в истинности которых мы абсолютно убеждены, которая дает больше всего простора работать для человечества...»⁷

Карл Маркс всегда оставался верным этим принципам.

ТАЙНАЯ ПОМОЛВКА

Когда семнадцатилетний Карл поступил в Боннский университет, он уже заключил с подругой своей юности негласный дружеский союз.

Через год он приехал в Трир, чтобы провести летние каникулы в доме своих родителей. Хотя Карл, как нам известно из одного письма его отца, со свойственной ему кипучей жизнерадостностью, окунулся в Бонне в водоворот студенческой жизни, он в то же время упорно занимался и приобретал знания. Кроме того, он там ближе познакомился с прусской реакцией и с жестокими пре-

следованиями, которым она подвергала демократов. Для наблюдений в Бонне было больше возможностей, чем в Трире.

Поэтому он приехал домой еще больше преданным делу свободы, более решительным и страстным противником абсолютизма и тирании, полным решимости бороться на стороне демократии против реакции в Германии. Передовые взгляды Карла радовали Женни. Вскоре она почувствовала, что стала дорога его сердцу. Это наполняло ее счастьем.

В это время состоялась их помолвка. Очарованная его сильной, блестящей личностью, предчувствуя инстинктом любящей женщины, что его ждет большое будущее, она доверила свою жизнь и счастье бедному студенту, который был моложе ее на четыре года.

Тогда ему было восемнадцать, а ей двадцать два года, но любовь этих двух одаренных молодых людей была основана на глубокой духовной привязанности и душевной гармонии, проявлявшихся в общности их взглядов. Клятву, данную друг другу в юности, они не нарушили до самого последнего вздоха.

Их взаимоотношения, столь необычные для того времени и прежде всего для зажиточных кругов общества, вынудили их вначале скрывать свою помолвку. Только отец Карла Маркса и его сестра Софи, самая близкая подруга Женни, были посвящены в эту тайну. Влюбленные лишь короткое время наслаждались своим счастьем. Когда Карл Маркс после летних каникул отправился в Берлин для продолжения своих занятий, боль разлуки разрывала сердца обоих молодых людей.

«Когда я вас покидал,— писал Карл Маркс родным год спустя,— для меня открылся новый мир, мир любви, к тому же, в начале, страстной, безнадежной любви. Даже путешествие в Берлин, которое при других обстоятельствах привело бы меня в величайший восторг, побудило бы к созерцанию природы, разожгло бы жажду жизни, оставило меня холодным; оно меня только расстроило, ибо увиденные мною скалы были не более круты и смелы, чем мои чувства, обширные города не более оживлены, чем моя кровь, обеды в трактире не более обильны и неудобоваримы, чем уносимые мной груды фантазии, и, наконец, искусство не так красиво, как Женни»¹.